На правахъ рукописи—17 августа 1905 г.

КН. А. М. ВОЛКОНСКІЙ

ВОЙНА, ПЕЧАТЬ И ОБЩЕСТВО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1905

Дозв. цензурою 16 августа 1905 г. С.-Петербургъ.

Печальное неуваженіе къ чужому мнѣнію, всегда отличающее оба крайнія направленія періодической печати, достигло у насъ въ настоящее тревожное и партійное время небывалыхъ размѣровъ. Оцѣнка высказанной кѣмъ-либо мысли производится обыкновенно не по внутренней ея цѣнности, а по тому, подходятъ ли взгляды данной статьи подъ шаблонъ критикующаго ее органа, по тому еще, въ какой газетѣ статья появилась и кѣмъ она подписана. Когда автора ни къ какому опредѣленному лагерю причислить нельзя, полемика прибѣгаетъ къ тенденціозному подбору цитатъ, пере-

держкамъ и наконецъ — къ наиболѣе низменному и столь нравящемуся улицѣ средству — къ нападкамъ на личность автора.

Всѣ эти средства полемики мнѣ пришлось испытать на себѣ послѣ появленія въ «Новомъ Времени» моей статьи «Война, печать и общество».

Представить свой искренній взглядъ непосредственно на судъ возможно болѣе широкаго круга читателей — вотъ, кажется мнѣ, лучшій способъ защитить свою мысль отъ гнета тѣхъ дѣятелей періодической печати, которымъ чуждо уваженіе къ правамъ, долгу и чести печатнаго слова.

Этимъ соображеніемъ и объясняется появленіе настоящей брошюры.

А. В—скій.

28 іюля 1905 г.

ВОЙНА, ПЕЧАТЬ И ОБЩЕСТВО. *)

Миръ или война? Тяжелый отвѣтъ беретъ на свою совѣсть всякій, возвышающій теперь голосъ за то или другое рѣшеніе этого вопроса. Но несомнѣнно, что правильное рѣшеніе возможно лишь для тѣхъ, кто способенъ и желаетъ отнестись къ вопросу объективно, кто отбрасываетъ изъ своего умозаключенія всякія побочныя соображенія, лично излюбленныя, но логически не связанныя съ сутью дѣла. Такое объективное отношеніе къ этому жгучему вопросу встрѣчается рѣдко на страницахъ крайнихъ органовъ печати;

*) «Нов. Вр.», 21—23 іюля.

люди сдѣлали его орудіемъ партійныхъ цѣлей и по недоразумѣнію, чаще по пристрастію, затемнили сущность вопроса. Намъ хотѣлось бы остановиться на наиболѣе обычныхъ способахъ затемненія дѣла, очистить обычную аргукентацію отъ искусственно привитыхъ постороннихъ элементовъ. Тогда, быть можетъ, само собой выдѣлятся данныя, на которыхъ дѣйствительно должно обосновываться то или иное рѣшеніе.

1.

„Война порождена лишь ошибками бюрократическаго правительства; она не имѣетъ для насъ ни смысла, ни цѣли; правда на сторонѣ Японіи; не можетъ быть побѣды, когда солдатъ не знаетъ, за что онъ сражается". Таковы неизмѣнныя положенія радикальныхъ газетъ, когда онѣ говорятъ о принципіальной сторонѣ текущей войны.

Какъ бы ни смотрѣть на творческую роль отдѣльной личности въ міровыхъ событіяхъ, все же нельзя не считаться съ однимъ „маленькимъ" фактомъ: вся тысячелѣтняя исторія Россіи есть непрестанное движеніе на Востокъ. Новгородскіе ушкуйники въ Вяткѣ, основаніе Нижегородскаго княжества, завоеваніе Казанскаго царства, походы Ермака и Хабарова, присоединеніе Амура, присоединеніе Приморской области — вотъ казалось бы всѣмъ извѣстные этапы этого наступленія. Движеніе наше затопляло сосѣднія страны, какъ волна тихаго наводненія, — естественно, въ силу превышенія надъ ними нашего культурнаго и государственнаго уровня. Только дважды мы измѣнили характеръ движенія и перешагнули черезъ неприсоединенныя еще земли: это было при несчастномъ Хивинскомъ походѣ кн. Черкасскаго и при печальной памяти занятіи Артура. Послѣднее предупредило естественный ходъ событій; правительство совершило здѣсь актъ, до котораго не созрѣла еще русская дѣйствительность и который не оправдывался превосходствомъ нашей культуры надъ враждебными политическими силами; потому актъ до извѣстной степени носилъ характеръ авантюры. Дальнѣйшія дѣйствія на Ялу еще усилили безнравственный оттѣнокъ артурскаго періода. За эту безсистемность и поспѣшность мы платимъ теперь цѣною преждевременной, а потому непомѣрно тяжелой войны; за допущенный элементъ безнравственности потрясена та система безотвѣтственности, при которой оказалось возможнымъ происшедшее. Все это такъ, но война

отъ этого не стала ни безсмысленной, ни безцѣльной. Преждевременна была экспедиція, посланная Петромъ Великимъ въ Хивинское ханство, но идея ея была въ согласіи съ историческими задачами Россіи, и черезъ 150 лѣтъ русская волна все же охватила Хиву и докатилась до Гиндукуша. Такъ и захватъ Артура былъ нарушеніемъ не вѣковой исторической *задачи*, а нарушеніемъ *метода* ея осуществленія. Корни этого событія и корни нынѣшней войны—совершенно независимо отъ людскихъ ошибокъ—уходятъ въ глубь вѣковъ. А потому, напрягая усилія для побѣды, Россія дѣйствуетъ не въ угоду бюрократіи, какъ то хотятъ доказать противники войны, а во исполненіе одного изъ вѣковыхъ безсознательныхъ законовъ, вложенныхъ въ историческую жизнь русскаго народа.

Японіей война была рѣшена еще послѣ Симоносекскаго мира, а не послѣ Ялу. Смѣшивать ближайшій поводъ и причину войны можно только по добровольной слѣпотѣ. Такъ и поступаютъ радикальныя газеты. Если есть лица, виновныя въ томъ, что ихъ дѣятельность помогла Японіи найти ближайшій поводъ къ войнѣ, то это дѣло суда,—къ вопросу—продолжать ли войну,—виновность этихъ лицъ или ихъ невиновность не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія.

2.

„Солдаты не понимаютъ за что сражаются"... Когда мы били Фридриха Великаго, этого не понимали не только солдаты, но, вѣроятно, и самъ Салтыковъ. Военная психологія знаетъ въ человѣкѣ шестое, „солдатское", чувство, которое оказывается сильнѣе остальныхъ, заставляя не видѣть опасности, не слышать гула выстрѣловъ, не чувствовать раны въ пылу боя... Но вотъ случай болѣе подходящій къ нынѣшней войнѣ. Столѣтія Россія безсознательно носила въ себѣ стремленіе къ Балтійскому морю, переживала тяжелыя муки родовъ. Явился геніальный Петръ и овладѣлъ устьемъ Невы. Неужели пушкарь, посылавшій ядро въ Нотебургъ, понималъ, что онъ продолжаетъ дѣло Ивана Грознаго и что онъ прорубаетъ окно въ Европу?

Да, солдатскому уму не ясно, для какой цѣли надо умирать въ Маньчжуріи. Но тогда русское общество, и прежде всего русская печать, должны были прійти солдату на помощь. Что же сдѣлала печать (говорю о большинствѣ газетъ)? Она обличала режимъ за неразвитость ниж-

няго чина и проповѣдывала безсмысленность войны. Правда, безполезно толковать простолюдину о принципахъ русской исторіи. Нельзя также философствовать съ нимъ на тему о перенесеніи политическихъ центровъ тяжести на Дальній Востокъ. Вѣдь и въ обществѣ подчасъ слышишь, что мысль о превращеніи Тихаго океана въ „Средиземное море будущаго“ есть не болѣе, какъ фраза. Если бы возражающій такъ проѣхался даже десять лѣтъ назадъ по большимъ путямъ Дальняго Востока, онъ понялъ бы съ полной очевидностью, что борьба за преобладаніе на берегахъ Тихаго океана будетъ однимъ изъ основныхъ факторовъ международной жизни XX вѣка Достаточно хоть немного слѣдить за происходящимъ въ этихъ странахъ, чтобъ видѣть, съ какой страстностью и въ мирное время народы борются тамъ между собою, отвоевывая исходныя позиціи для будущихъ поколѣній. Борьба за желѣзнодорожныя концессіи на верховьяхъ Голубой рѣки, американскіе Филиппины, громадный ростъ германской тихоокеанской торговли, бойкотированіе китайцами американскихъ товаровъ, конфликтъ съ Англіей изъ-за русской концессіи въ Тяньцзинѣ, японскіе „ученые“ путешественники въ Сычуани и инструкторы въ Сеулѣ,

переходъ англійскихъ пароходныхъ линій въ нѣмецкія руки и проч. и проч.—это фразы или факты? Смыслъ этихъ фактовъ понятенъ всякому приказчику шанхайской или нагасакской торговой фирмы, не хочетъ съ ними считаться только наша интеллигенція. Сорокъ лѣтъ ненормальныхъ политическихъ условій направили всѣ ея помыслы въ одну сторону и въ увеличеніи борьбы за правовой порядокъ она отворачивается отъ международныхъ потребностей Россіи, какъ отъ праздной затѣи шовинистовъ.

Но вотъ о желтой опасности можно было бы вполнѣ толковать и солдату. Онъ проѣхалъ по пустынной Сибири, испыталъ на себѣ силу японской арміи, онъ видитъ безчисленность китайской толпы и горькимъ опытомъ убѣдился въ сочувствіи манзъ японцамъ,—убѣдить его въ дѣйствительности желтой опасности не трудно. Послѣ ряда пораженій стало ясно, что армія защищаетъ Сибирь, что если Японія завладѣетъ Маньчжуріей, Россія потеряетъ переселенческія земли. Но и на этотъ фактъ обратила вниманіе солдатъ не печать, а рѣчь ген. Батьянова.

Плохіе адвокаты отечественныхъ интересовъ, мы очень старательно доказывали правоту Японіи. Японскіе дипломаты и публицисты конечно всячески облегча-

ли эту задачу нашимъ японофиламъ: послѣднимъ стоило только выбирать подходящія статьи изъ европейскихъ газетъ, обласканныхъ лучами восходящаго солнца. Государственные люди Японіи сумѣли пользоваться всемірной печатью къ выгодѣ своей родины. Наши консулы и представители другихъ вѣдомствъ за границей, не имѣя соотвѣтственныхъ указаній, лишены возможности бороться тѣмъ же оружіемъ. Междувѣдомственная комисія, которая періодически, или во время крупныхъ событій на театрѣ войны разсылала бы всѣмъ русскимъ чинамъ за границей телеграфныя сообщенія о дѣйствительномъ характерѣ событій, была необходима съ первыхъ дней войны, но таковой нѣтъ, и Европѣ предоставляется вѣрить всякой японской лжи о Россіи. Мы же вѣримъ (или дѣлаемъ видъ, что вѣримъ) всему, что японцы разсказываютъ о себѣ. Мы напримѣръ охотно повторяемъ, какъ аксіому, что японцамъ необходима Корея, ибо они задыхаются отъ тѣсноты на своихъ островахъ. Что Японія нуждается въ переселеніи, это вѣрно; но, очевидно, редакціи и большинства газетъ постараются не замѣтить серьезной статьи професора Gonnard („Les Japonais sont ils à l'étroit au Japon?“), гдѣ авторъ обстоятельно доказываетъ, что

густота японскаго населенія не представляетъ ничего чрезвычайнаго: она близка къ германской, причемъ раждаемость въ Японіи ниже, чѣмъ въ Германіи*) Мы любимъ говорить о культурности принципа открытыхъ дверей, которому слѣдуетъ правительство микадо, но умалчиваемъ о томъ, какъ эти двери исподтишка прикрываются и на Формозѣ, и въ Кореѣ. Нашлись органы печати противоположной крайности, по мнѣнію которыхъ святая Русь во всемъ всегда права, а японцы объявили войну просто такъ... по озорству.

Словомъ, въ русской печати не часто найдешь объективное сужденіе о побужденіяхъ, руководившихъ обоими государствами во время конфликта. Лучше обратиться въ серьезныя иностранныя газеты. Тамъ можно встрѣтить безпристрастный отвѣтъ: *оба* народа *виновны,* внеся каждый чрезъ свои правительства, печать и торговыхъ людей, долю человѣческаго непониманія, увлеченія и

*) Вотъ нѣкоторыя цифры, приведенныя въ статьѣ. Приходится на 1 кв. кил. въ Японіи (съ Формозой) 113 чел., въ Германіи 104, въ Италіи 115, Бельгіи 234. Раждаемость выразилась въ Японіи за 25 лѣтъ 30-ю процентами, въ Россіи за 27 лѣтъ 44-мя проц. исходнаго числа жителей.

коварства; но и *оба* народа *правы*, ибо каждый руководимъ въ глубинѣ своихъ побужденій отъ вѣка бьющими, требующими простора жизненными силами, споръ между которыми съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, рѣшается, рано или поздно, только войной.

3.

Десятки лѣтъ наростало общественное недовольство... Ждали случая. Раздались взрывы плавучихъ минъ на Артурскомъ рейдѣ, сметенъ съ Тюренченскихъ высотъ нашъ авангардъ натискомъ цѣлой арміи — случай явился. „*Теперь* вырвемъ, или никогда“ — и война стала оружіемъ для борьбы съ правительствомъ. Оружіе оказалось благодарнымъ: неудачи въ Маньчжуріи безпрерывно его обостряли. Присоединилось чувство обиды: государственная оборона, дѣло исключительнаго вѣдѣнія власти, на которое уходила половина доходовъ родины, оказалась явно неподготовленной. Люди, душой преданные чести русскаго оружія, подняли голосъ въ печати; ихъ критика была честная, они готовы были на судѣ подтвердить каждое свое слово. Но явились крики другихъ, подсказанные злобой и ненавистью; это плохіе спутники логики, — и полились обви-

ненія огульныя, непровѣренныя, нечестныя.

Страданія, лишенія, ошибки, присущія *природѣ* войны, неустранимыя, какъ неустранимы законы большихъ чиселъ, объявлены послѣдствіемъ лишь *нашей* военной системы, объясняются чуть ли не злой волей того или другого лица. „Подъ Лаояномъ солдаты такого-то полка, проходя мимо поѣзда, просили хлѣба“. Да можетъ ли быть, чтобы въ многодневномъ бою, на пространствѣ сотни верстъ, какой-либо батальонъ не голодалъ сутки или трое? Знать, что бывшій начальникъ искупаетъ въ шинели рядового свою вину, есть удовлетвореніе для нравственнаго чувства, но для этого нужна увѣренность въ наличіи вины, нужны слѣдствіе и судъ. Таково, казалось бы, азбучное правило справедливости. Почему же съ такимъ легкимъ сердцемъ и такимъ легкимъ фактическимъ матеріаломъ считается возможнымъ въ печати обвинять дѣятелей поля брани? Или достаточно человѣку надѣть генеральскіе погоны, чтобъ ужъ къ нему можно было не прилагать того уваженія къ личности, о которомъ говорится столько хорошихъ словъ на сосѣднихъ столбцахъ газеты? Или такъ не сложно и просто военное дѣло, что едва сошедшій со ска-

мьи гражданской школы юноша, годъ назадъ не знавшій разницы между дивизіей и бригадой, можетъ давать аттестаціи корпуснымъ командирамъ? Или вообще достаточно взять въ руки перо и кадить низкимъ инстинктамъ толпы, чтобы все, что вы напишите, считалось правдой?

Съ техническими данными стѣсняются не больше, чѣмъ съ людьми. Артиллеристы вамъ скажутъ, что наша скорострѣльная пушка въ общемъ лучше японской, но печать все твердитъ обратное. Въ одной газетѣ была напечатана замѣтка съ невѣрными данными о русской и японской винтовкахъ; изъ замѣтки явствовала сравнительная негодность русскаго ружья. Правда, газета вскорѣ помѣстила письмо съ опроверженіемъ, въ которомъ приведены вѣрные цифровые элементы винтовокъ. Въ данномъ случаѣ опровергнуть было легко—стоило раскрыть справочную книжку,—а какъ часто правду возстановить невозможно. Вѣдь опроверженіе съ театра войны можетъ быть напечатано лишь черезъ 2—3 мѣсяца; опроверженіе должно быть фактично, точно, часто длинно, а потому оно скучно—его не читаютъ. Для возстановленія правды нужно знаніе, для напраслины — хлесткость; въ такой борьбѣ число борцовъ слишкомъ неравно, и борьба не равна.

Такъ плетется вся эта сѣть напраслины. И къ чему, казалось бы, говорить неправду? Вѣдь сколько было и въ арміи, и въ Петербургѣ сдѣлано дѣйствительныхъ ошибокъ.

Если можно говорить неправду, то преувеличивать и подавно: корреспонденція вѣдь получается ярче. Когда читаешь описаніе быта въ тылу арміи, является представленіе, что отъ Челябинска до Харбина царство сплошного разгула. Конечно, не можетъ быть достаточно строгихъ мѣръ, чтобы очистить тыловую жизнь войны отъ уродливыхъ явленій. Но вотъ я проѣхалъ во Владивостокъ, пробылъ тамъ съ недѣлю, дважды доѣзжалъ до позиціи одной изъ армій, сдѣлалъ обратный путь въ Москву и не видалъ *ни одного* пьянаго офицера, *ни одного* пьянаго солдата, видѣлъ *одного* пьянаго матроса. Не спорю, это особенно счастливая случайность, но возможна ли она при сплошномъ разгулѣ?

„Бѣдный народъ, котораго гонятъ за 10,000 верстъ подъ разстрѣлъ, на смерть и муки“. Но арміи всегда, во всѣ времена шли не по своему почину, а по приказу, выполняя тяжкую повинность и долгъ, и всегда шли на смерть и муку. Тѣмъ вѣдь и почетно военное званіе. Что же тутъ новаго въ *этой* войнѣ и

къ чему тутъ жалкія слова: они никого отъ мукъ не избавятъ. Нужно облегчать страданія, насколько это возможно на войнѣ,—и это дѣлается въ такихъ размѣрахъ, *какъ ни въ какія прежнія войны*; нужно, чтобы ведущіе въ бой сами шли, и это дѣлается, *даже чрезмѣрно*, въ ущербъ успѣху. Я обогналъ и встрѣтилъ на станціяхъ десятки поѣздовъ съ этими „гонимыми": ѣдутъ веселые; шутятъ, поютъ, перуругиваются; говорятъ съ вами просто, привѣтливо; ѣдой да баней довольны. Ѣдутъ, какъ естественно ѣхать людямъ молодымъ, безсемейнымъ, здоровымъ, направляясь на новое, неиспытанное и опасное дѣло. Скажутъ—„очень ужъ трогательная картина". Не знаю, трогательная ли, но во всякомъ случаѣ правдивая: что видѣлъ своими глазами, то и передаю.

4.

„Если тебѣ трудно, то непріятелю не легче; только свое трудное видишь, а непріятельскаго не видишь; но оно всегда есть". Такими словами М. И. Драгомировъ старается поддержать въ измученномъ солдатѣ объективное отношеніе къ боевымъ невзгодамъ. Психологическая вѣрность и практическая польза такого отношенія къ трудному дѣлу очевидна;

прилагать подобный взглядъ правильно не только къ солдату въ бою, но и ко всякой борьбѣ, ко всей войнѣ въ ея цѣломъ. И если печать хотѣла выполнить свой долгъ предъ родиной, она должна была поддерживать въ смущенномъ неудачами обществѣ объективное отношеніе къ этимъ неудачамъ. Отнюдь не скрывая трудностей, которыя выпали на нашу долю (смѣло, въ цѣляхъ успѣха борьбы, обнаруживая тѣ недочеты нашего военнаго дѣла, которые могутъ быть исправлены еще въ теченіе войны), печать должна была указывать и на трудность непріятельскаго положенія. „Намъ предстоитъ долгая, тяжелая борьба; теперь, въ началѣ, намъ будетъ труднѣе, чѣмъ противнику; придетъ часъ, когда роли измѣнятся; лишь бы у насъ хватило духа и воли дождаться этого часа". Вотъ правильный взглядъ; правильный, ибо такой часъ долженъ былъ наступить, — въ этомъ, съ точки зрѣнія военной, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: не у Лаояна, такъ у Харбина, у Читы, но гдѣ-нибудь долженъ же получиться подавляющій перевѣсъ въ нашихъ силахъ. Что же дѣлала печать?

Немногія газеты въ тупомъ самомнѣніи закидывали японцевъ шапками; это длилось понятно лишь первые мѣсяцы. Дру-

гія, радикальныя газеты стали вслѣдъ за Тюренченомъ всемѣрно сгущать краски нашихъ неудачъ и послѣ Лаояна объявили борьбу безнадежной. Тенденціозна бывала, какъ сказано выше, критика нашихъ недостатковъ, пристрастны часто и похвалы японцамъ. Раненые плѣнные безпричинно избиты въ кровь карауломъ; они сами объ этомъ пишутъ изъ Мацуямы; въ другомъ городѣ плѣнный офицеръ подвергнутъ наказанію: его продержали 12 дней взаперти въ чуланѣ, не вынося нечистотъ; другого офицера водили по улицамъ нагишомъ. Но такіе случаи лучше замалчивать, вѣдь бьютъ и наказываютъ японцы—„культурная" нація. Вотъ если бы русскій офицеръ въ с. Медвѣдѣ ударилъ плѣннаго японца, это было бы кстати: дало бы тему для статьи объ озвѣрѣніи всего корпуса нашихъ офицеровъ.*) И артурцы, и участники лаоянскаго боя сви-

*) *Позднѣйшее прим.* Этимъ явно-гиперболическимъ предположеніемъ мы хотѣли лишь образно указать на пристрастность сужденій нѣкоторыхъ органовъ печати въ данномъ вопросѣ. Придавать нашей фразѣ значеніе точно выраженнаго, конкретнаго обвиненія—это приблизительно такой-же мало-добросовѣстный пріемъ полемики, какъ напримѣръ — намѣренное принятіе ироническихъ словъ автора за дѣйствительное его мнѣніе.

дѣтельствуютъ, что японская артиллерія стрѣляетъ по своимъ, когда они повернутъ, наткнувшись на волчьи ямы. Можно содрогаться, слыша о подобномъ фактѣ, или можно находить его вполнѣ послѣдовательнымъ, отвѣчающимъ духу военнаго дѣла; но какая-то радикальная газета поступила проще: объявила фактъ выдумкой печати противнаго лагеря. Еще бы, такая жестокость... при наличіи парламента,—можетъ ли это быть? Посмотрите, съ какой горячностью „Новости" заступаются за топографическое вѣдомство... не русское конечно,—за японское. Въ своей книгѣ о войнѣ г. Табурно говоритъ, что японцы пользовались картами, сфотографированными съ нашихъ, какъ болѣе совершенныхъ. „*Разумѣется**), это заявленіе можно отнести (говоритъ въ „Новостяхъ" съ озлобленіемъ г. Георгій Эрастовъ) только къ боевымъ операціямъ уже на сѣверѣ, около Мукдена, когда послѣ нашихъ „отступленій" японцамъ достались въ руки не только географическія карты, но цѣлые обозы, транспорты, орудія и снаряды". Нѣтъ, ошибаетесь, *не* „разумѣется": о томъ, что японцы сфотографировали нашу двухверстную карту, было упомянуто въ „Нов. Вр." въ моей ста-

*) Курсивъ нашъ.

тьѣ (А. В—скій, „Война и жалкія слова“), въ нумерѣ отъ 18 декабря, т.-е. за два мѣсяца до Мукденскаго боя. По расчету времени на печатаніе карты, пересылку и проч. надо думать, что она была сфотографирована еще до Лаояна.

Наша крайняя печать увѣряетъ, что въ Японіи полная гласность, что тамъ свободно критикуютъ своихъ генераловъ. Не знаю, откуда наши газеты почерпнули свѣдѣнія о японской гласности, но мнѣ приходилось слѣдить за нѣсколькими издающимися въ Японіи газетами, и ни въ нихъ, ни въ шанхайскихъ журналахъ (всегда полныхъ выдержекъ изъ послѣднихъ) я не нашелъ ничего, что хоть сколько-нибудь напоминало разнузданность нашихъ сужденій объ арміи. Серьезной критики также нѣтъ, ибо для нея требуются факты, а фактовъ не сообщаютъ: имена частей, городовъ, начальниковъ выпускаются. Когда прошлой осенью публиковались списки убитыхъ японскихъ офицеровъ, нельзя было даже разобрать, убиты ли они подъ Артуромъ. или въ арміи Куроки. Гибель цѣлаго броненосца, крейсера, замалчивалась болѣе года. При такихъ данныхъ критика невозможна: изрѣдка только встрѣтишь прилично выраженныя жалобы на отсутствіе свѣдѣній съ войны: „намъ

сообщаютъ, что подъ Артуромъ погибло столько-то русскихъ, но какія наши потери, мы не знаемъ“; „намъ ужъ столько-то мѣсяцевъ все обѣщаютъ скорое паденіе Артура“...

Возразятъ, что японской печати нечего критиковать и нечѣмъ возмущаться, ибо побѣда слѣдовала за побѣдой. Но вѣдь это такъ кажется въ прошломъ, а въ дѣйствительности побѣды японцамъ доставались не легко. Развѣ гибель „Хатсузе“ имъ было легче перенести, чѣмъ намъ гибель „Варяга“ и „Корейца“? Одинъ иностранецъ, бывшій въ Японіи во время потопленія японскихъ транспортовъ Владивостокской эскадрой, говорилъ мнѣ о состояніи полнаго ужаса, въ которомъ замерла страна, вдругъ лишившаяся всякой связи съ внѣшнимъ міромъ. Дѣло Рожественскаго окончилось катастрофой, но что должна была испытывать Японія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, когда его эскадра висѣла грозной тучей надъ всей ея торговлей, неся съ собою призракъ голода. Или услышать о 13 отбитыхъ атакахъ подъ Мукденомъ, о взрывахъ подъ Артуромъ японскимъ матерямъ и женамъ было легче, чѣмъ русскимъ? Напротивъ, японскому народу ужасы войны, даже при ровномъ чи-

слѣ жертвъ, *втрое тяжелѣе*, чѣмъ намъ; вѣдь японцевъ втрое меньше.

Ко дню рожденія микадо было рѣшено поднести ему Артуръ; въ столицѣ была заготовлена иллюминація; но штурмъ принесъ Японіи лишь нѣсколько десятковъ тысячъ убитыхъ. Если бы подобный безобразный фактъ случился у насъ, какія статьи заготовили бы „Наша Жизнь" и „Сынъ Отечества"?

Зачѣмъ у васъ двѣ мѣры? Зачѣмъ фальшивые вѣсы?

5.

Приводя длинный рядъ часто мелкихъ фактовъ, мы имѣли цѣлью конечно не ихъ опроверженіе; мы хотѣли лишь наглядно показать людямъ, далеко стоящимъ отъ военнаго дѣла (къ нимъ и обращена наша статья), всю тенденціозность сужденій радикальныхъ газетъ о войнѣ. Онѣ мастерски ткутъ паутину лжи вокругъ этого вопроса. По городамъ и селамъ Россіи сотни тысячъ совершенно чуждыхъ военному дѣлу читателей изо дня въ день воспринимаютъ свѣдѣнія о войнѣ лишь сквозь эту паутину, и она дѣлаетъ свое дѣло. Въ паденіи духа образованной среды много повинна эта печать; вліяніе ея должно передаваться и простому народу и арміи. „Если бы ты

зналъ,—говорилъ мнѣ съ умиленіемъ въ голосѣ одинъ бывшій гвардеецъ, годъ командующій на войнѣ сотней, — если бы ты зналъ, какіе есть удивительные герои между офицерами, какая вѣра въ Россію, какое истинное, невидное, тихое геройство..." И вотъ такой тихій герой, истомленный безсонной ночью, маньчжурскимъ ливнемъ, непрестанной заботой о солдатѣ, хватаетъ газету съ вѣстями съ родины и читаетъ... напраслину на армію и проповѣдь о безсмысленности ея жертвъ. Можетъ ли это не понижать духа войска, не протягиваніе ли это руки помощи японцамъ?

Отъ тенденціозныхъ противниковъ войны обратимся къ людямъ искреннимъ, къ честнымъ сторонникамъ мира. Всѣ ихъ помыслы здѣсь, внутри Россіи; они видятъ кругомъ разореніе, невѣжество, беззаконіе, недоѣданіе; они знаютъ огромность работы, которую надо совершить дома, скорбятъ о силахъ и средствахъ, текущихъ туда, на „ненужный", далекій Востокъ. „Скорѣе миръ, какой бы онъ ни былъ, но миръ. Тогда уляжется смута, успокоенная Россія примется за внутренюю творческую работу".

Много професіональной („мѣстной") узкости сквозитъ въ такомъ рѣзкомъ противоположеніи внѣшнихъ задачъ страны ея

внутреннему росту, точно это не двѣ стороны единаго дѣла. Намъ приходилось говорить на эту тему въ предыдущихъ статьяхъ, гдѣ мы указывали и на странность той логики, которая видитъ во всякомъ приверженцѣ продолженія войны противника либеральной реформы *). Не будемъ здѣсь къ этому возвращаться.

„Уляжется смута",—говорятъ. А полумиліонная армія, вернувшаяся безъ единой побѣды? „Одни господа" послали насъ сражаться, когда непріятеля было разъ въ шесть больше нашего, а теперь, когда насъ—сила, другіе „господа" не дали намъ побѣдить. Зачѣмъ же тогда столько нашихъ уложили, зачѣмъ мы сами кровь проливали, голодали? Зачѣмъ отступали, срамились?"... „Да ихъ бить надо, все начальство, коли теперь миръ заключатъ", убѣжденно, злобно говорилъ мнѣ во Владивостокѣ неизвѣстный, просто одѣтый, человѣкъ на телеграфѣ, въ день полученія депеши о предстоящихъ переговорахъ. Врядъ ли также умиротвореніе принесутъ съ собой оклеветанные офицеры, которымъ не дали побѣдой опровергнуть клевету. Тяжелой цѣной страданій Россія наконецъ собрала народный капиталъ — маньчжурскую армію, — подобнаго которому нѣтъ теперь ни въ одной странѣ, кромѣ Японіи. Капиталъ этотъ можно использовать на благо родины на поляхъ Маньчжуріи, но его можно и разсыпать по всей мятущейся русской землѣ. Что выгоднѣе для внутренняго мира?*)

Для творческой работы нужна вѣра въ свои силы, но не скоро возродится вѣра у народа, отступившаго передъ трудностью подвига, когда силы еще не были исчерпаны**). Не выдержать экзамена случалось и выдающимся людямъ, но до-

---

*) А. В—скій «Война и свобода совѣсти», «Нов. Время» 12 февр.

*) *Позднѣйшее прим.* Нѣкоторыя газеты хотятъ видѣть въ нашемъ разсужденіи призывъ продолжать войну *ради* охраненія существующаго строя. Полагаемъ, читателю ясно, что въ такомъ мрачномъ макіавелизмѣ мы не повинны: нашимъ разсужденіемъ мы лишь возражаемъ на весьма распространенный взглядъ, будто миръ несомнѣнно создастъ условія, обезпечивающія спокойный ходъ реформы.

**) *Позднѣйшее прим.* Выраженіе «силы исчерпаны» здѣсь неточно; смыслъ его все-же ясенъ изъ контекста и изъ всей статьи. Наша статья не проповѣдуетъ войны «до послѣдняго солдата», а говоритъ лишь, что было бы малодушіемъ отказаться отъ продолженія войны, *если* наличныя средства борьбы допускаютъ возможность побѣды. Однако одного неточнаго выраженія оказалось достаточнымъ, чтобы нашелся «критикъ», который вывелъ изъ моей статьи заключеніе, что я въ качествѣ человѣка

бровольный отказъ отъ его риска—вѣрный признакъ нежизнеспособности. Рѣшимость на жертвы, побѣда надъ внутренней розныо во имя общей внѣшней бѣды вызовутъ наружу таящіяся силы и внесутъ (каковъ бы ни былъ фактическій результатъ борьбы) нравственный вкладъ въ духовное богатство народа. А малодушный отказъ былъ бы актомъ духовнаго самоубійства: онъ припечаталъ бы духъ нашъ печатью позорнаго мира и далъ бы намъ не творчество, а дальнѣйшее разложеніе.

Если отбросить весь тенденціозный наростъ и отрѣшиться также отъ той доли общественнаго пессимизма, который исходитъ изъ скорбнаго сердца женъ и матерей, то всеже останется ничѣмъ не устранимый фактъ: рядъ пораженій и ни единой побѣды. Таковъ самый сильный изъ обычныхъ доводовъ въ пользу мира. Но въ жестокомъ дѣлѣ войны прошлое не имѣ-

---

привилегированнаго сословія готовъ «исчерпать» народныя силы ради интересовъ... концессіонеровъ на Ялу!

Замѣтимъ здѣсь, что до «исчерпанія» средствъ борьбы намъ далеко: по подсчетамъ спеціалистовъ къ 16-му мѣсяцу войны русскими было выставлено около 30% постоянной арміи, японцами—150% общей численности ихъ постоянной арміи съ ея резервомъ.

етъ значенія, важно лишь то, обезпечиваютъ ли наличныя условія возможность побѣды въ будущемъ, или нѣтъ.

6.

Сущность вопроса заключается лишь въ одномъ: есть ли вѣроятность довести войну до благополучнаго исхода, иначе говоря—можемъ ли мы при полномъ напряженіи силъ достичь необходимаго численнаго превосходства надъ противникомъ и можетъ ли Россія при нынѣшней смутѣ дать такое напряженіе.

Отвѣтить на первый вопросъ не во власти ни отдѣльнаго лица, ни общества, ибо данныя, необходимыя для рѣшенія, составляютъ государственную тайну. Но тѣмъ немногимъ лицамъ, которыя имѣютъ въ рукахъ обобщенныя данныя по всѣмъ отраслямъ военной подготовки, не трудно рѣшить вопросъ и притомъ (въ предѣлахъ доступнаго человѣческому разуму предвидѣнія) безошибочно. На сколько мѣсяцевъ лежитъ продовольствія во Владивостокѣ и Николаевскѣ, сколько линій минныхъ загражденій на Амурѣ между Маріинскомъ и Хабаровскомъ, какія наши денежныя средства, сколько въ мѣсяцъ перевозитъ Сибирская дорога — все это для этихъ лицъ не предметъ тревожныхъ га-

даній, какъ для общества, а нѣсколько точныхъ, неоспоримыхъ цифръ. Если напримѣръ Владивостокъ можетъ держаться два мѣсяца, то дѣло безнадежно, если 6—12—18, то успѣетъ удвоиться армія генерала Линевича или создастся новая армія къ востоку отъ Харбина. Въ сопоставленіи и сочетаніи этихъ цифръ не можетъ быть ни увлеченія, ни нервной растерянности, — это какъ бы алгебраическая задача съ однимъ лишь неизвѣстнымъ (средства Японіи), *предѣлы* котораго теперь легко установить. Роль общества здѣсь одна — спокойно довѣриться рѣшенію.

Несмотря на „паутину лжи", въ обществѣ, кажется, крѣпнетъ убѣжденіе, что нынѣшнее состояніе арміи несравненно лучше прежняго. Армія прошла наиболѣе совершенную школу —школу жизненнаго опыта. Новая артиллерійская тактика, единство власти, стремленіе омолодить командный элементъ, новая горная пушка, пулеметы, малый процентъ запасныхъ, сотня новыхъ разъѣздовъ на желѣзной дорогѣ, сотни верстъ разъѣздныхъ путей, новый типъ фортификаціонныхъ работъ, стога (цѣлыя улицы изъ стоговъ) провіанта—вотъ результаты этой школы. Повтореніе артурскихъ недоразумѣній во Владивостокѣ невозможно:

власть надъ крѣпостью одна и сосредоточена въ рукахъ человѣка спеціальныхъ знаній и поразительной силы воли.

Въ виду кратковременности моего пребыванія въ Маньчжуріи боюсь упрека въ поверхностности сужденія, если позволю себѣ дать категорическій отвѣтъ на обычный вопросъ, предъявляемый вернувшемуся съ востока—„каковъ духъ арміи?" Но свидѣтельствую, что всѣ офицеры, съ которыми я говорилъ, считаютъ армію надежной, побѣду вполнѣ возможною; всѣ возмущены пессимизмомъ нашихъ газетъ; смущены переговорами о мирѣ; замѣчаютъ пониженіе качествъ японскаго солдата. Говорить пришлось съ сотней офицеровъ всѣхъ чиновъ, отъ подпоручика до старшихъ генераловъ, и пришлось лично слышать мнѣніе главнокомандующаго. Лишь одинъ офицеръ излагалъ мрачный взглядъ, но онъ только что прибылъ изъ Петербурга и его вѣдомство къ бою отношенія не имѣетъ. Офицеры отзываются неодобрительно объ элементахъ штатскаго происхожденія: объ офицерахъ запаса, о не-военныхъ врачахъ, санитарахъ и сестрахъ милосердія (конечно, это относится не ко всѣмъ и не къ почтенной профессіональной дѣятельности лицъ трехъ послѣднихъ категорій, а лишь къ ихъ настрое-

нію). Въ этой именно средѣ зарождаются, говорятъ, тревожные слухи, преувеличенія и унылыя сужденія; отсюда же вѣроятно исходятъ унылыя корреспонденціи. Отъ нѣкоторыхъ сестеръ и врачей мы слышали такое же сужденіе объ ихъ товарищахъ.

Солдаты въ непобѣдимость японцевъ, сколько мнѣ кажется, не вѣрятъ. „Отступали, отступали, а теперь и миръ запросили, — срамота", — таковъ былъ смыслъ дошедшихъ до меня разговоровъ нижнихъ чиновъ въ нѣсколькихъ ротахъ владивостокскаго гарнизона при первомъ извѣстіи о мирныхъ переговорахъ; въ одной изъ нихъ въ цѣлой ротѣ нашелся одинъ человѣкъ, который одобрилъ мысль о мирѣ. Помню одного больного, который трясся уже 20 дней во временно-санитарномъ поѣздѣ (т.-е. санитарномъ поѣздѣ худшаго типа); солдатъ отъ природы неказистый, корявый, да къ тому же былъ съ зубною болью— всѣ данныя, чтобы не быть оптимистомъ, разсказывалъ про Мукденъ: „Три дня за нами гнался... всего-то; ужъ когда мы его погонимъ, такъ, чай, не такъ!" Можетъ быть опять мнѣ особое счастье во встрѣчахъ?

Общее впечатлѣніе отъ пребыванія въ

Маньчжуріи — успокоеніе, т.-е. то же впечатлѣніе, какое, находясь въ Петербургѣ, неизмѣнно получаешь при разговорѣ съ офицерами, вернувшимися изъ арміи, хотя бы искалѣченными.

7.

Вторая половина вопроса—вопросъ возможности напряженія силъ. Если терзающая Россію смута такъ сильна, что повтореніе потемкинскаго позора возможно въ такомъ же крупномъ масштабѣ и на сушѣ, то излишни всякія мечты о продолженіи войны. Но бываютъ показатели дѣйствительнаго положенія дѣла неопровержимые, сила которыхъ выше всякихъ самыхъ мудрыхъ сужденій. *Мобилизація прошла спокойно*. Годъ пораженій, пуды прокламацій, полгода открытаго газетнаго подстрекательства, неурожай— все оказалось безсильнымъ предъ здоровымъ народнымъ чувствомъ: вотъ показатель, который ставитъ всѣ ужасные факты нашей дѣйствительности на должное мѣсто. Если бы успокоеніе было безнадежнымъ, то не было бы также надобности сочинять лживыя телеграммы о бунтѣ на „Мининѣ", гдѣ никакого бунта не было, о прибытіи казаковъ въ такія имѣнія, куда ни одинъ казакъ не прибывалъ, объ убійствѣ дюжины дѣвушекъ служащими

несуществующей экономіи. Радикальная печать хочетъ увѣрить насъ, что по всей Россіи въ народѣ стоитъ стонъ за миръ. Каждому жителю деревни легко убѣдиться, насколько это вѣрно. Совсѣмъ иное говорятъ эти люди, думающіе собственной головой, а не по газетному трафарету. Во время длиннаго пути намъ приходилось разговаривать со многими лицами простого званія, но ни разу не пришлось услышать голосъ за миръ. „Ежели теперь миръ, все равно черезъ 10 лѣтъ съ китайцами будемъ воевать“, слышалъ я во Владивостокѣ. Несуразность мысли вооружать противника на нашъ счетъ вмѣсто того, чтобы драться съ нимъ на эти деньги, ясна всякому; есть также полное сознаніе позора дани. „У которой мужъ или сынъ на войнѣ, тѣ бы и хотѣли мириться, да только это зазорно будетъ“—вотъ наиболѣе миролюбивая изъ слышанныхъ фразъ.

Но какъ бы ни было, здѣсь, во внутреннемъ положеніи Россіи, а не въ стратегическихъ данныхъ лежитъ главная доля возможности дальнѣйшихъ неудачъ въ Маньчжуріи. Сознаніе этого обстоятельства должно было бы въ сильной степени умѣрять нетерпѣливость современнаго общественнаго движенія. Къ сожалѣнію этого нѣтъ.

Грѣхи правительства велики: оно довело страну до преждевременной войны и само вскормило себѣ враговъ въ общественной средѣ. Но оно же и принесло плоды покаянія—обновило армію и пошло на встрѣчу законнымъ запросамъ народа. Такого акта покаянія нѣтъ со стороны общества: чѣмъ дальше, тѣмъ неуступчивѣе оно становится, тѣмъ болѣе дробится. Оно требуетъ, чтобы блага прогресса всѣ сразу (даже сомнительныя (посыпались на Россію, какъ изъ рога изобилія, и когда сверху должно раздаться по вопросу о представительствѣ законодательное слово, находятся земскіе люди, готовые отъ него отстраниться прежде даже, чѣмъ успѣли услышать его*).

За годъ мы прожили полстолѣтія, и какъ только совершится созывъ представителей, станемъ твердо на новомъ пути. Способствовать цѣною взаимныхъ уступокъ скорѣйшему наступленію этого дня — вотъ гражданскій долгъ каждаго прикосновеннаго къ дѣлу лица; воздержаться отъ всего, что можетъ отдалить этотъ день — долгъ каждаго русскаго. Жизнь ближайшихъ годовъ внесетъ исправленія въ спѣшную реформу вѣрнѣе, чѣмъ

*) Редакція этой фраз ывъ брошюрѣ измѣнена.

партійныя страсти теперешняго тревожнаго времени. А нынѣ не пора ли намъ всѣмъ умиротвориться на мысли, что съ созывомъ представителей главное условіе къ обновленію правовой жизни будетъ достигнуто, что въ поднятую вѣковую залежь заброшено желанное сѣмя. Когда врагъ вошелъ уже въ домъ, не пора ли оставить рознь и признать, что первое дѣло—стать грудью противъ врага?

8.

Не подлежитъ сомнѣнію, что только невозможность заключить достойный миръ и только безповоротная рѣшимость напречь всѣ силы государства для достиженія побѣды дадутъ правительству нравственное право настаивать на продолженіи войны. Но столь же несомнѣнно, что только твердая увѣренность въ невозможности продолжать борьбу (увѣренность, основанная на выводахъ холоднаго разсудка, а не на доводахъ малодушія) могла бы извинить тѣхъ, кто поднялъ бы требовательный голосъ за миръ. Если бы война велась въ интересахъ одного правительства, ее слѣдовало бы кончить сегодня же; но если миръ надо заключить ради крика десятка газетъ, то миру не должно быть мѣста. Тотъ общественный слой, голосъ котораго преувеличенно раздается чрезъ

радикальный газетный рупоръ, тоже вѣдь горсть людей въ сравненіи съ громадою арміи и народа. Горсть эта къ тому же наиболѣе односторонняя и болѣзненно-нетерпимая изъ всѣхъ партій. Дѣйствительнаго голоса русскаго народа пока никто не слыхалъ.

Иногда высказывается предположеніе, что будущее собраніе представителей можетъ быть привлечено къ рѣшенію вопроса мира или войны и что до утвержденія договоренныхъ въ Портсмутѣ условій будетъ спрошено о нихъ мнѣніе страны. Мы не думаемъ, что предположеніе это правдоподобно, но въ той или иной формѣ отношеніе собора къ войнѣ не можетъ не проявиться. Хотѣлось бы вѣрить, что народъ въ лицѣ своихъ представителей найдетъ людей, для которыхъ война не средство борьбы съ правительствомъ и не средство для возвращенія бюрократіи утраченнаго ею всевластія, а государственное дѣло, рѣшающее судьбу будущихъ поколѣній и неразрывно связанное съ ростомъ духовной цѣнности народа.

Когда такъ отнестись къ вопросу, отъ него отпадетъ все, ложно къ нему привитое—и мечта о мистическомъ паназіатскомъ призваніи Россіи, и сказка о японской непобѣдимости. И если за невоз-

можностью достойнаго мира разумъ государственной власти рѣшитъ продолженіе войны, мы будемъ вправѣ ждать отъ нашихъ выборныхъ, что они станутъ во главѣ объединенія народной воли и принесутъ ее всю, безъ остатка, къ подножію Престола на дѣло войны: тѣмъ они приумножатъ силы родной земли для борьбы и поднимутъ мощь родной арміи до побѣдъ.

Обобщимъ сказанное:

Корни войны уходятъ въ глубь вѣковъ. Зародилась борьба міра бѣлаго съ желтымъ. Наша Русь—передовая застава. Предъ великой бѣдой—да будетъ не унынье, а твердая воля. Рѣшать о мирѣ не намъ, а власти; намъ — подвигъ единенія и жертвъ и въ немъ возрожденіе духомъ. Вѣрность Царю; довѣріе и помощь арміи; мысль не о своей партіи, а о цѣломъ народѣ, которому каждый изъ насъ присягнулъ фактомъ рожденія.

14 іюля 1905 г.

ОПТИМИЗМЪ ИЛИ ЛОГИКА? *)

На нашу статью «Война, печать и общество» намъ пришлось услышать слѣдующее возраженіе: «Можно ли высказывать такое оптимистическое мнѣніе какъ разъ тогда, когда японцы одерживаютъ успѣхъ за успѣхомъ, овладѣваютъ Сахалиномъ и готовятся къ осадѣ Владивостока? Въ статьѣ даже не упомянуто имени Сахалина; такое умолчаніе то же вѣдь тенденція, только обратная той, съ которой борется ваша статья».

Ничуть не бывало, и вотъ почему: занятіе Сахалина является лучшимъ доказательствомъ стремленія японцевъ къ миру. Занявъ островъ передъ началомъ перегово-

*) «Нов. Вр.». 25 іюля 1905 г.

ровъ, японцы совершили великолѣпный шагъ политической мудрости и дипломатической рѣшимости, но съ точки зрѣнія чисто военной преждевременное овладѣніе Сахалиномъ представляетъ нѣчто совершенно безсмысленное. Можетъ быть на меня обрушатся въ печати за эту фразу, но смѣю думать, что во всемъ мірѣ не найдется военнаго человѣка, который далъ бы иную оцѣнку указанной операціи.

Для краткости уподоблю Сахалинъ крѣпости. Осада этой крѣпости началась съ минуты гибели флота Рожественскаго; обложеніе ея завершилось бы само собой при высадкѣ японцевъ у Владивостока и у Николаевска; съ этого дня крѣпость-островъ стала бы съѣдать свои запасы и съ послѣднимъ сухаремъ сдѣлалась бы безъ единаго выстрѣла японскимъ достояніемъ. Послѣднее обстоятельство могло бы произойти и ранѣе, а именно по мирному договору въ случаѣ японской побѣды надъ арміей ген. Линевича. Точно также въ случаѣ выигрыша генеральнаго сраженія нами, занятый японцами Сахалинъ вновь станетъ нашимъ.

Словомъ, естественное рѣшеніе участи Сахалина на материкѣ. Никакого стратегическаго основанія, которое могло бы побудить японцевъ ускорить овладѣніе островомъ, придумать нельзя: промежуточная база для дѣйствій изъ Японіи противъ Владивостока явилась бы излишнимъ осложненіемъ дѣла, а уголь сахалинскій ни намъ, ни противнику не нуженъ.

Потеря Сахалина намъ стратегически не чувствительна (мы говоримъ очевидно о временной потерѣ, а не объ отторженіи острова отъ Россіи, послѣдствія чего были бы чрезвычайно тягостны для нашей родины). Японцы же ради этой операціи лишили себя возможности усилить армію Оямы приблизительно на дивизію.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что единственный смыслъ сахалинской операціи заключается въ томъ, что объектомъ ея былъ не самъ островъ и не 3—4 спѣшно сформированныхъ батальона, составляющихъ его гарнизонъ, а никто иной, какъ С. Ю. Витте.

Аналогичное разсужденіе можно до извѣстной степени примѣнить и къ подготовляемой осадѣ Владивостока. Покуда армія противника цѣла, кампанія не выиграна; это азбука стратегіи. Осада Владивостока до разгрома нашей арміи имѣла бы тѣмъ не менѣе полное оправданіе, если бы надъ улучшеніемъ крѣпости не работали уже цѣлый годъ. Годъ или полгода назадъ ожиданіе обложенія притянуло бы къ Владивостоку часть нашихъ силъ изъ главной арміи, а осада угрожала бы сравнительно скорымъ паденіемъ крѣпости. Теперь обложеніе ея не окажетъ никакого давленія на дѣйствія

нашей главной арміи: Владивостокскій районъ для встрѣчи противника готовъ.

На стратегическомъ положеніи японцевъ осада Владивостока отразится весьма неблагопріятно. Было бы рискованно высадить менѣе нѣсколькихъ дивизій. Ширина Муравьевъ-Амурскаго полуострова около 12 верстъ; для занятія такого протяженія требуется на худой конецъ 4 дивизіи; да еще нѣсколько дивизій необходимы для охраны тыла осаднаго корпуса (напримѣръ для занятія Никольска). Вся эта армія, не будь рѣшена осада, могла бы быть направлена туда, гдѣ лежитъ дѣйствительное рѣшеніе кампаніи, т.-е. на усиленіе арміи Оямы.

Не въ правѣ ли мы заключить изъ сказаннаго, что если осада Владивостока будетъ начата *теперь*, то это будетъ сдѣлано лишь ради давленія на духъ русскихъ государственныхъ людей и русскаго общества.

Самый отчаянный пессимистъ (напримѣръ неврастеникъ, начитавшійся «Краснаго смѣха») не можетъ не признать слѣдующаго факта. Для продолженія войны японцамъ надо рѣшиться положить по крайней мѣрѣ 200 тысячъ своихъ. Генеральное сраженіе съ арміей ген. Линевича должно японцамъ обойтись дороже, чѣмъ Мукденскій бой (хотя бы изъ-за наличія у насъ пулеметовъ), т. е. потребуетъ свыше 100,000 жертвъ; взятіе

Владивостока, считая скромно по масштабу Артура, потребуетъ также ста тысячъ. Рѣшиться на такія жертвы не легко. Предположимъ далѣе, что генеральное сраженіе будетъ успѣшно для японцевъ, что ген. Линевичъ отступитъ на нѣсколько десятковъ верстъ: даже въ этомъ случаѣ на созданіе арміи для выручки Владивостока мы будемъ располагать восемью мѣсяцами (опять-таки считая по артурскому масштабу). Не забудемъ, что желѣзная дорога работаетъ теперь не такъ, какъ годъ назадъ.

Словомъ, намъ есть съ чѣмъ торговаться объ условіяхъ мира.

Напряженіе японскаго народа должно быть чрезмѣрно; мысль, что даже послѣ ихъ побѣды русская армія можетъ опять отступить и что все опять начнется сызнова должна давить народное воображеніе японцевъ, какъ кошмаръ. Они настроились на миръ, и если бы въ Портсмутѣ мы объявили: «мира не будетъ», — эти слова раздались бы какъ громъ надъ Японіей. У насъ же народъ воспрянулъ бы духомъ. Да, намъ есть чѣмъ торговаться: у насъ полмиліонная армія, первокласная крѣпость и двѣ трети вооруженныхъ силъ нетронуты. Это прекрасно сознаютъ японцы, потому и посылаютъ свои вздорныя телеграммы, долженствующія увѣрить

міръ, что мы, уничтоженные, находимся въ ихъ власти.

Мнѣ пришлось быть въ Годзяданѣ какъ разъ въ день полученія депеши о томъ, что наша армія окружена японскимъ кольцомъ въ 100 миль радіусомъ. Тамъ надъ этой телеграммой смѣялись: хохоталъ поручикъ пограничной стражи, знающій, гдѣ стоитъ его сотня, улыбнулся штабный полковникъ, знающій, гдѣ расположены всѣ охраняющія части. Не смѣется только часть нашего общества. Если бы люди, слишкомъ мрачно смотрящіе на наше положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій, представили себѣ, какъ издѣвается надъ нами японскій офицеръ, сочиняя въ Токійскомъ штабѣ подобную «частную» депешу, они вѣроятно успокоились бы. «Ничего, что коротенькая депеша, незачѣмъ японскихъ денегъ зря тратить», говоритъ себѣ, должно быть, этотъ офицеръ. «У нихъ вѣдь въ Россіи найдутся газеты, которыя растолкуютъ мою короткую депешу такъ, что лучше и не надо». Если бы иныя редакціи подумали, въ какую презрительную усмѣшку должно сложиться въ эту минуту лицо этого исполненнаго патріотизма японца, быть можетъ онѣ бы покраснѣли. Впрочемъ не ручаюсь.

Чтобы избѣжать возраженія, будто мною руководитъ неумѣренное чувство оптимизма,

приведу нѣсколько словъ изъ моей статьи, «На долго ли война?», писанной почти годъ назадъ *): «Разсчетъ на слабость противника—плохой разсчетъ... Правда, признаніе боевыхъ качествъ японской арміи и флота стало общимъ достояніемъ; повѣрили въ возможность паденія Артура, захвата Сахалина, осады Владивостока... Но идея желтой опасности въ представленіи большинства все еще остается не болѣе какъ... красивой фантазіей императора Вильгельма... Только открытое признаніе силы противника, только ясное представленіе о размѣрахъ разразившейся надъ нами опасности способны вызвать то напряженіе всѣхъ народныхъ силъ, которое одно можетъ успѣшно ей противостать... Не наступила ли для Россіи многолѣтняя страда?»

Врядъ ли писавшій это исполненъ чрезмѣрнаго оптимизма.

*) К. А. В—скій, «Нов. Время» 1904 года. № 10267, и слѣдующій.